

Теория литературы Theory of Literature

DOI:

Л. В. Павлова, И. В. Романова (Смоленск)

ORCID ID: 0000-0001-9502-6278, 0000-0003-4564-7142

ОБРАЗЫ ЛИРИЧЕСКИХ СУБЪЕКТОВ В СТИХОТВОРЕНИЯХ РУССКИХ ПОЭТОВ ОБ АРМЕНИИ

Аннотация. В статье предложен аналитический обзор реализации лирического субъекта в армянском тексте русской поэзии. Для локального текста важна внешняя по отношению к пространству Армении точка зрения, совпадающая с национальной или нет. Ее выразителем становится лирический субъект. В хронологической последовательности – от XVIII до XXI столетия описана эволюция образа лирического субъекта в стихотворениях русских поэтов об Армении – от собственно автора (в классификации Б.О. Кормана) через ролевого персонажа, к лирическому герою. Сначала Армения упоминается в связи с сюжетом о Ноевом ковчеге или как часть турецкой темы, образ лирического субъекта не складывается. Затем появляется лирическое «я», которое созерцает экзотику далекой страны. XIX век дает преимущественно образцы ролевых персонажей, с помощью которых русские поэты стремятся вжиться в судьбы армянского народа и примиряют маски страдающих, гонимых, но непокоренных армян. Во всех этих масках отсутствуют личные лирические мотивы и преобладает мотив страдания и гонимости. Перелом наступает в начале XX века в связи с преступлениями геноцида, на которые горячо откликается русская поэзия. Появляется лирический субъект, который чувствует себя приемным сыном многострадальной земли. История Армении учит его мужеству и состраданию, пробуждает христианское чувство вины. Знакомство с яркими представителями армянской культуры и науки делает его причастным к этой великой культуре и истории. Постепенно Армения становится объектом восхищения, любви и источником творческого вдохновения, куда хочется возвращаться снова и снова.

Полнота проявления образа лирического субъекта угасает в XXI веке, уступая место культурному и философскому осмыслению Армении. В статье также отмечены некоторые авторские особенности воплощения образа лирического субъекта в стихотворениях об Армении.

Ключевые слова: локальный текст, армянский текст русской поэзии, лирический субъект, мотив.

L. V. Pavlova, I. R. Romanova (Smolensk)

ORCID ID: 0000-0001-9502-6278, 0000-0003-4564-7142

IMAGES OF LYRICAL SUBJECTS IN THE POEMS OF RUSSIAN POETS ABOUT ARMENIA

Abstract. The article offers an analytical review of the implementation of the lyrical subject in the Armenian text of Russian poetry. For a local text, the point of view external to the Armenian space is important, whether it coincides with the national one or not. The lyrical subject becomes its exponent. In chronological sequence – from the XVIII to the XXI century, the evolution of the image of the lyrical subject in the poems of Russian poets about Armenia is described – from the author himself (in the B.O. Korman’s classification) through the role-playing character, to the lyrical hero. At first Armenia is mentioned in connection with the plot of Noah's Ark or as part of the Turkish theme, the image of the lyrical subject does not add up. Then a lyrical "I" appears, which contemplates the exoticism of a distant country. The XIX century mainly provides examples of role-playing characters, with the help of which Russian poets strive to get used to the fate of the Armenian people and reconcile the masks of suffering, persecuted, but unconquered Armenians. In all these masks there are no personal lyrical motives and the motive of suffering and persecution prevails. The turning point comes at the beginning of the twentieth century in connection with the crimes of genocide, to which Russian poetry responds warmly. A lyrical subject appears who feels like an adopted son of a long-suffering earth. The history of Armenia teaches him courage and compassion, awakens a Christian sense of guilt. Acquaintance with the outstanding representatives of Armenian culture and science makes him involved in this great culture and history. Gradually Armenia becomes an object of admiration, love and a source of creative inspiration, where you want to return again and again. The completeness of the manifestation of the image of the lyrical subject is fading in the XXI century, giving way to the cultural and philosophical understanding of Armenia. The article

also notes some of the author's features of the embodiment of the image of a lyrical subject in poems about Armenia.

Key words: local text, Armenian text of Russian poetry, lyrical subject, motive.

Настоящая публикация – часть **поддержанного РФ научного проекта (№ 22-18-00339) «Электронный ресурс “Армянский текст русской поэзии”**: репрезентация локального текста русской литературы».

Первая проблема, которая встает перед исследователями армянского текста – необходимость собрать репрезентативный корпус стихотворений русских авторов об Армении. Такой корпус составлен на основе самой обширной на сегодняшний день антологии русских стихотворений об Армении М.Д. Амирханяна «Армения в зеркале русской поэзии» [Амирханян 2022], существенно дополнен в ходе реализации проекта и сейчас насчитывает свыше 600 стихотворений поэтов XIX – XXI веков. Этот корпус и послужил материалом исследования.

Следующая и главная проблема – установить, представляют ли эти стихотворения в совокупности феномен локального армянского текста русской поэзии.

Впервые проблема локального текста была поставлена Н.П. Анциферовым [Анциферов 1924], В.Н. Топоровым [Топоров 1984] и Ю.М. Лотманом [1984] в отношении «петербургского текста». Далее модель рассмотрения локального текста распространилась на городские тексты – московский [Москва и «московский текст» русской культуры 1998], лондонский [Прохорова 2005], пермский [Абашев 2008], вологодский [Вологодский текст 2009], киевский [Булкина 2010], венецианский [Кунусова 2011], ивановский [Голубев 2014] и др., целые регионы – например, Сибирь [Тюпа 2002], Крым [Люсый 2003; Курьянов 2014], Туркестан [Шафранская 2016].

Под локальным текстом мы понимаем, вслед за Е.К. Созиной, «систему текстов, интегрированных в целое благодаря их общей “внетекстовой ориентации”» [Созина 2010, 288], в нашем случае – объединяющим фактором стала Армения. Вместе с тем в локальном тексте одинаково важны как объективные составляющие, отражающие топонимику, особенности ландшафта, историю места, так и субъективные – тот собирательный художественный образ места, который формируется из образов локации у каждого автора.

Э.Ф. Шафранская замечает, что есть локальные тексты, «сконструированные в культуре посредством тиражирования одних и тех же паттернов в фольклорно-мифологической действительности, а далее – в литературе; есть локальные тексты, рожденные исключительно литературными текстами» [Шафранская 2022, 135]. К последним она относит и армянский текст. Исследовательница ссылается на тех прозаиков, пишущих об Армении, кто признавался, что эта страна для них существует прежде всего как факт литературный. Подробно останавливается на спорах относительно того, кто является первооткрывателем Армении для русского читателя, – В. Брюсов, редактор знаменитой антологии «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней», вышедшей в 1916 году, или О. Мандельштам – автор одного из самых ярких поэтических циклов, посвященных Армении, и прозы о ней, написанных соответственно в 1930 и 1931 – 1932 гг.

В локальном тексте объектом является сам топос и система локусов. С топосами могут быть неразрывно связаны представления о тех или иных людях или событиях, составляющих семантический ореол места. Изучение армянского текста в нашем проекте идет, в первую очередь, по самым частотным именам собственным, соотносимым в массовом сознании с Арменией – гора Арарат, озеро Севан, создатель армянского алфавита Месроп Маштоц, поэт Аветик Исаакян, художник Мартирос Сарьян и т.д.

Однако просто частоты упоминания той или иной реалии недостаточно. Необходимо повторение у разных авторов общего контекста, образно-мотивного комплекса. Например, в связи с Араратом это упоминание Ноева ковчега, что имеет не национальное, а общехристианское и общекультурное значение, а также более узкого мотива трагической утраты Арменией и христианским миром Арарата [Павлова, Романова 2020; Шафранская 2022].

Наряду с объектом в картине мира локального текста важен и субъект, который обеспечивает точку зрения, знание и восприятие места. В лирике субъект важен вдвойне как ведущая родовая особенность. В армянском тексте русской поэзии чрезвычайно значимо, что это восприятие Армении русским поэтом, которое может совпадать или не совпадать с собственно национальным. Эта внешняя точка зрения выдвигает на передний план не только объект описания, но и самого лирического субъекта. Как он проявляется, какое отношение к Армении и армянскому выражает – это тема целого направления исследований, часть которого и будет представлена в статье.

Стихотворения XVIII века В. Петрова и В. Рубана, упоминающие армян, написаны в жанре оды и не содержат признаков лирического субъекта. Они восхваляют политику Екатерины II и деятельность князя Г.А. Потемкина по осуществлению добровольного переселения армян и других национальных меньшинств из Крыма в южные российские земли.

Стихотворения первой трети XIX в. варьируют две главные темы – ветхозаветная история, всемирный потоп и победы русского оружия в войне с турками, освобождение угнетенных народов, в связи с чем упоминаются армянские топонимы. В форме сонета или в жанрах послания русские поэты второго ряда (например, Д. Хвостов, Н. Бутырский) мысленно уже перемещаются на территорию Армении, но пока не обнаруживают ее знания и понимания, она остается экзотической землей. Армения не представляет для русских авторов самостоятельный интерес, она – часть турецкой темы.

Лирический субъект не проявляется, кроме как в форме кормановского собственно автора, обнаруживающего себя по общему восторженному пафосу и риторическим вопросам. До тех пор, пока тема не становится лирической, «не рождается» и лирический субъект.

Первым создает образ лирического субъекта на фоне армянских восточных идиллических пейзажей Д. Давыдов. Стихотворение «Полусолдат» состоит из двух композиционных частей. Первая, большая, представляет собой монолог героя, «нашего наездника», спорящего с однополчанами о том, кто такой «полусолдат». Вторая, меньшая, живописует «ночную роскошь полуденного края»: шум Аракса, сон горных вершин Алагеза, луна над Араратом, аромат и пурпур садов, влага долин... [Амирханян 2022, 121].

Монолог героя-наездника оформлен в кавычки, что позволяет предположить, что автор репрезентует ролевого персонажа, хотя и своего тезку, наделенного к тому же автобиографическими чертами. Монолог распадается на две части: в одной герой вспоминает о своей былой удали, постоянных солдатских пирушках и безудержном веселье после боя, острословии и балагурстве. Этот «век золотой» в прошлом. Бесстрашие в бою осталось, но в часы отдыха он теперь предпочитает уединение и тоскует о далекой родине и семье. Чувствуя эту перемену в душе, он и называет себя «полусолдатом». Примечательно, что о себе прошлом он говорит в третьем лице, называет Денисом как бы от имени других солдат. О себе сегодняшнем, сохраняющем черты романтического героя, говорится от первого лица.

В данном примере очевидны черты романтизма: описание экзотической страны; антитеза прошлого и настоящего; прекрасного, но чужого Кавказа и далекой и родной «святой Руси»; бесстрашный герой-воин одинок, ищет уединения, тоскует.

XIX век также дает примеры ролевых персонажей в стихах об Армении. Например, «Арарат» Я. Полонского написан от лица персонифицированной библейской горы. Это стихотворение – отклик на восхождение на Арарат, которое впервые в истории было осуществлено в 1829 году профессором Ф. Парротом в научных целях и горячо обсуждалось общественностью. Монолог Арарата тоже распадается на две части: в прошлом это священная, царственная гора, «гигант», давший приют праведнику Ною («венцец мой пламенел», «лик мой набожный», «высота священная»). В настоящем человек, «потомок праведного Ноя», совершил святотатство: поставил науку выше веры, его гордостью попрана святыня. «Я без венца отныне. / Сказал – и рухнул Арарат...» [Амирханян 2022, 126]. «Разноплеменная толпа», упомянутая в конце стихотворения, испуганно молчит и суеверно ждет проклятья. Противостояние Арарата с человеком, завершившееся попранием человеком святыни, воспринимается как эсхатологическое пророчество.

Стихотворение Я. Полонского «Саят-Нова» написано от лица этого армянского поэта и ашуга. В центре – тема забвения поэта после его смерти. Оно строится на антитезах: свет забудет песни – ты вспомнишь:

Если погибну я, знаю, что свет не заметит утраты;

Ты только вспомнишь те песни, под звуки которых цвела ты

[Амирханян 2022, 129];

2) я и ты: Тут образ певца любви вписывается в типичный для восточной поэзии образ меджнуна, безумного от любви и страдающего, противопоставленного жизнелюбивой возлюбленной:

Я просветил твое сердце — а ты, ты мой ум помрачила;

Я улыбаться учил — а ты плакать меня научила

[Амирханян 2022, 129];

3) чужбина – и твой сад:

<...> где будет холодный

Прах мой покоиться? там ли – в далеких пределах чужбины,

Здесь ли, в саду у тебя, близ тебя, под навесом раины?..

[Амирханян 2022, 130]

Примеры ролевых персонажей можно множить. Незвестный поэт, скрывшийся под инициалами СТ, в 1898 году пишет «Песню армянского переселенца», в которой перечисляет многочисленные испытания, которые пришлось пережить гонимым армянам. В целом они вписываются вечный мотив изгнанничества, потери родины: «Прощай родимая страна: / Тебя мне не увидеть боле <...>» [Амирханян 2022, 160]. А. Кулебякин, русский офицер, воевавший в Закавказье, для «Колыбельной песни» 1915 года выбирает в качестве ролевого персонажа армянскую женщину. Она укачивает ребенка, пугается любых стуков и ждет мужа, ушедшего воевать с турками. В. Немирович-Данченко создает ролевые стихотворения от лица то армянского воина-знаменосца, то зверски растерзанной мирной армянской девушки, то эмигранта. Ю. Веселовский обращается к средневековой истории Армении и пишет стихотворение от лица царя Левона VI, который томится в плену. Е. Алексеева о судьбе горестной родины пишет от лица ашуга.

Наряду с ролевыми стихотворениям в это время создаются тексты балладного типа, а также драматические сцены в стихах с диалогами героев времен великого прошлого или войны с турками.

Если русская поэзия XVIII – начала XIX веков видела больше не саму Армению, а армян, причем часто живущих не на своей земле, то со второй трети XIX века русские поэты не понаслышке узнают Армению. Как

правило, это познание связано с исполнением служебного долга, гражданского или военного, в Закавказье, в Тифлисе, где было много армян. Они проникаются судьбой армянского народа, но освоение этой темы остается декоративным, о чем свидетельствует сохранившееся тяготение к ролевой лирике, в которой они примеряют маски восточного поэта, гонимого армянина, армянской матери, поверженного Арарата. Во всех этих масках отсутствуют личные лирические мотивы и преобладает мотив страдания и гонимости.

Другой распространенной формой выражения лирического субъекта становится собственно автор (в терминологии Б. Кормана) – максимально скрытый субъект, который проявляет себя в общем пафосе гнева на гонителей и разорителей армян, в протесте против разрушения памятников великой духовной и материальной культуры, в сочувствии страдающему народу («Но Господи! Господи! что за разгром! / Какое ужасное горе!» (А. Кулебякин) [Амирханян 2022, 168]). Может появиться эпизодическое «я» очевидца. Вот герой стихотворения Кулебякина «Варагский монастырь» находит в разоренном храме икону Божьей Матери:

Я смотрел в Вагарском храме
На ограбленный престол
И в сожженном, грязном хламе
Образ сорванный нашел.

<...> И теперь в забытом соре
Я нашел Твой лик святой <...>

<...> Ты с улыбкою усталой
Грустно смотришь на меня. [Амирханян 2022, 191–192]

Появляется подлинное знание культуры, истории, живое сострадание, но по-прежнему отсутствует личная история, вызывающая к жизни полноценный образ лирического героя.

Перелом наступает в 1915 году в связи с трагическими событиями в Армении, преступлениями геноцида. Русская поэзия откликнулась на них всем сердцем. Начинается активное изучение Армении, ее культуры, знакомство с армянскими деятелями искусства. Русские поэты переводят армянских авторов, как В. Брюсов, ездят в очаги военных действий, спасают армянских детей, как С. Городецкий. Завязываются личные связи с армянами.

Погружение В. Брюсова в армянскую историю и культуру приводит к появлению в его творчестве «я», неотделимого от «мы» – русские люди, для которых настоящим открытием и духовным уроком стала Армения. Стихотворения строятся на противопоставлении «мы – вы», но это противопоставление стремится к объединению:

И ныне, в этом мире новом,
В толпе мятущихся племен,
Вы встали обликом суровым
Для нас таинственных времен.

Но то, что было, вечно живо.
В былом – награда и урок,
Носить вы вправе горделиво
Свой многовековый венок.

А мы, великому наследью
Дивясь, обеты слышим в нем... [Амирханян 2022, 278–279]

«Я» в стихотворениях Брюсова об Армении ощущает себя частью целого, некой общности: современники, русские освободители, потомки... «Я» становится эпично, оно способно разговаривать с Араратом, с Хоносом:

Благодарю, священный Хронос!
Ты двинул дней бесцветных ряд –
И предо мной свой белый конус
Ты высишь, старый Арарат <...> [Амирханян 2022, 279]

Подлинный лиризм в противовес господствующей публицистичности в поэтическом решении армянской темы появляется у С. Городецкого. В символистском ключе предстает лирическое «я» поэта, описывающего свою любовь к Армении как к прекрасной женщине. В стихах Городецкого Армения персонифицируется и предстает в чувственных образах:

Как перед женщиной, неведомой и новой,
В счастливом трепете стою перед тобой.
И первое сорваться с уст боится слово,
И первую смущаются глаза мольбой.
<...>
Я голову пред древностью твоей склоняю,
Я красоту твою целую в алые уста.
Как странно мне, что я тебя еще не знаю,
Страна-кремень, страна-алмаз, страна-мечта!
[Амирханян 2022, 295]

Сквозным у Городецкого в его «армянском» цикле становится мотив мистической встречи лирического субъекта с душами погибших: «Рыданья сердца заглушая, / Хожу я с ними, между ними» [Амирханян 2022, 299]. Наиболее пронзительно мотив невозвратимых человеческих потерь звучит на фоне образа прекрасного сада, повторяющегося у поэта неоднократно. Возникает единый образно-мотивный ряд «сад (жизнь) – смерть – память»:

«Сад весенний, сад цветущий, / Страшно мне / Под твои спускаться кущи В тишине./ Здесь любили, целовались, / Их уж нет» [Амирханян 2022, 299];
«И вижу руки давно убитой, / В саду зарытой, давно забытой. // Сияют руки в цветенье белом, / Зовут в объятья движеньем смелым. // Я к ним бросаюсь, их воле внемлю, / Они, сияя, уходят в землю» [Амирханян 2022, 301].

И у Брюсова, и у Городецкого возникает мотив прозрения лирического субъекта относительно смысла жизни, и это прозрение дарит Армения: В. Брюсов «К Армении»:

Армения! Твой древний голос –
Как свежий ветер в летний зной:
Как бодро он взвывает волос,
И, как дождем омытый колос,
Я выпрямляюсь под грозой! [Амирханян 2022, 277]

С. Городецкий «Ввысь»:

Захотел я собой овладеть
И ступить на земные пределы
Иль в бою за себя умереть,
Как боец бескорыстный и смелый. [Амирханян 2022, 305]

Наконец, в поэзии – у авторов и первого, и второго ряда – появляется лирическое «я». Лирический субъект идентифицирует себя как представителя другой национальности, соотносит себя с севером. Основные мотивы, с ним связанные, следующие:

– сочувствие Армении и ее народу: «Где холод и мороз, и воздух где суровый, / Там мой народ, моя страна. / Но тронулся и я несчастьем Гайастана <...>» (Ю. Веселовский) [Амирханян 2022, 221];

– сыновняя любовь к Армении несмотря на принадлежность к другой стране: «Все люблю горячо я в тебе, / Все, чего я не ведал когда-то, / А теперь. Теперь в бедном рабе / Армянине увидел я брата...» (К. Саянский) [Амирханян 2022, 237];

– глубокое сострадание, которое может сочетаться с ненавистью к гонителям: «Я врагов иступленно кляню / И шепчу им проклятым, угрозы. / А душой к умирающим льну» (К.Саянский) [Амирханян 2022, 238];

– восхищение: «Увижу ль я когда тебя, о край блаженный! / Я о тебе всегда на севере мечтал <...>» (Ю. Веселовский) [Амирханян 2022, 223];

– вера в светлое будущее страны: «Моя Армения родная, – / Уж скоро скука неземная / Исчезнет прочь, / И злая ночь / Уйдет, в лучах зари растая!» (Е. Алексеева) [Амирханян 2022, 231];

– желание познать великое прошлое, приобщиться к нему: «<...> я стою в надежде слышать слово / То страшное... Скажите мне его. / Я не уйду. Стоять тут буду годы / Ответа ждать: чтоб знали все народы / Историю народа одного...» (К. Саянский) [Амирханян 2022, 235];

– принятие на себя судьбы Армении и ее народа: «Как прежде звенит кандалами / Отчизна родная моя... / Обильно полита слезами / Несчастливая наша земля...» (Е. Алексеева) [Амирханян 2022, 228];

– неожиданное решение – противостояние лирического субъекта своим русским соотечественникам, не понимающим и не разделяющим его

любовь к Армении, и надежда на благодарную память армян – возникает в творчестве Ю. Веселовского: «Я был смешон толпе: минувшим увлеченный, / Я пел про старину Армении сынов; / Чужой историей и славой возбужденный <...>» [Амирханян 2022, 225];

– от С. Городецкого вплоть до М. Матусовского идет мотив вины: «Прошу у вас прощения, армяне, / Что я рожден в пятнадцатом году» [Амирханян 2022, 394].

В стихотворениях об Армении в XXI веке лирический субъект, как и в целом в русской поэзии, отступает на второй план. Вместе с ним уходит как исповедальность, так и публицистичность. Их место занимает культурное и философское осмысление того, что Армения дала миру и культуре. Подобные стихотворения тяготеют к экфрасисам и подчеркнута обыгрывают уже сложившийся культурный код страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абашев В.В.* Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Изд. 2-е, доп. Пермь: Звезда, 2008. 500 с.
2. *Амирханян М.Д.* Армения в зеркале русской поэзии. Ереван: Копи Принт, 2022. 662 с.
3. *Амирханян М.Д., Павлова Л.В., Романова И.В.* Реконструкция «армянского» текста в русской поэзии XX века (опыт компьютерного исследования) // Известия Смоленского государственного университета. 2020. № 2(50). С.5–21.
4. *Анциферов Н.П.* Быль и миф Петербурга. Пг.: Брокгауз – Ефрон, 1924. 88 с.
5. *Булкина И.* Киев в русской литературе первой трети XIX века: пространство историческое и литературное. Тарту: Tartu Ulikooli Kirjastus, 2010. 213 с.
6. Вологодский текст в русской культуре: сборник статей по материалам конференции. Вологда: Легия, 2015. 379 с.
7. *Голубев Н. А.* Формирование локального текста: Ивановский опыт. Дисс. ... к. филол. н.:10.01.01. Иваново, 2014. 241 с.
8. *Кунусова А.Н.* Венецианский текст в русской поэзии XX века. Дисс. ... к. филол. н.:10.01.01. Астрахань, 2011. 211 с.
9. *Курьянов С.О.* «Тайный ключ русской литературы»: генезис, структура и функционирование Крымского текста в русской литературе X–XIX веков. Симферополь: Бизнес-информ, 2014. 424 с.

10. *Лотман Ю.М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Труды по знаковым системам. Тарту, 1984. Вып. XVIII. С.30–46.
11. *Люсый А.П.* Крымский текст в русской литературе. СПб.: Алетейя, 2003. 314 с.
12. Москва и «московский текст» русской культуры: сб. статей. М.: РГГУ, 1998. 224 с.
13. *Павлова Л. В., Романова И. В.* «Армянский» текст русской поэзии (интерпретация данных программного комплекса «Гипертекстовый поиск слов-спутников в авторских текстах») // Новый филологический вестник. 2020. № 4(55). С. 212–225.
14. *Прохорова Л.С.* Лондонский городской текст русской литературы первой трети XIX века. Дис. ... к. филол. н.:10.01.01. Томск, 2005. 194 с.
15. *Топоров В.Н.* Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Труды по знаковым системам. Тарту, 1984. Вып. XVIII. С. 4–30.
16. *Тюпа В.И.* Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. №1. С.28–35.
17. *Шафранская Э.Ф.* Армянский текст: стихи и проза // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2022. №S6. С. 135–143.
18. *Шафранская Э.Ф.* Туркестанский текст в русской культуре: Колониальная проза Николая Каразина (историко-литературный и культурно-этнографический комментарий). СПб.: Свое издательство, 2016. 370 с.

REFERENCES

(Articles from Scientific Journals)

1. Amirkhanian M.D., Pavlova L.V., Romanova I.V. Rekonstruktsiia “armianskogo” teksta v russkoi poezii XX veka: (opyt komp’iuternogo issledovaniia) [Reconstruction of the “Armenian” text in Russian poetry of the XXth Century (computer research experience)]. *Izvestiia Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2020, No. 2 (50), pp. 5–21. (In Russian).
2. Pavlova L.V., Romanova I.V. “Armianskii” tekst russkoi poezii: (interpretatsiia dannykh programmnoho kompleksa “Gipertekstovyi poisk slov-sputnikov v avtorskikh tekstakh”). [The “Armenian” text of Russian poetry (interpretation of the data of the software package “Hypertext search for satellite words in author's texts”)]. *Novyi filologicheskii vestnik*. 2020, No. 4 (55), pp. 212–225. (In Russian).
3. Tiupa V.I. Mifologema Sibiri: k voprosu o “sibirskom tekste” russkoy literatury [The Mythologeme of Siberia: on the question of the “Siberian text” of Russian Literature]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal*. 2002, №1, pp. 28–35. (In Russian).
4. Shafranskaya E.F. Armyanskiy tekst: stikhi i proza. [Armenian text: poems and prose]. *Filologicheskiye nauki. Nauchnyye doklady vysshey shkoly*. 2022, №S6, pp. 135–143. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

1. Vologodskiy tekst v russkoy kul'ture: sbornik statey po materialam konferentsii. [Vologda text in Russian culture]. Vologda: Legiya, 2015. 379 p. (In Russian).
2. Lotman Yu.M. Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda. [The symbolism of St. Petersburg and the problems of semiotics of the city]. *Trudy po znakovym sistemam*. Tartu, 1984, V. XVIII, pp. 30–46. (In Russian).
3. Moskva i “moskovskiy tekst” russkoy kul'tury: sb. statey. [Moscow and the "Moscow text" of Russian culture]. Moscow: RGGU, 1998. 224 p. (In Russian).
4. Toporov V.N. Peterburg i “Peterburgskiy tekst russkoy literatury” (Vvedeniye v temu). [Petersburg and the "Petersburg text of Russian Literature" (Introduction to the topic)]. *Trudy po znakovym sistemam*. Tartu, 1984, V. XVIII, pp. 4–30. (In Russian).

(Monographs)

1. Abashev V.V. Perm' kak tekst. Perm' v russkoy kul'ture i literature XX veka. [Perm as a text. Perm in Russian culture and literature of the XXth Century] Izd. 2-e, dop. Perm', Zvezda Publ., 2008. 500 p. (In Russian).
2. Antsiferov N.P. Byl' i mif Peterburga. [The past and the myth of St. Petersburg]. Petersburg, Brokgauz–Efron Publ., 1924. 88 p. (In Russian).
3. Bulkina I. Kiyev v russkoy literature pervoy treti XIX veka: prostranstvo istoricheskoye i literaturnoye. [Kiev in Russian Literature of the first third of the XIXth Century: historical and literary space] Tartu, Tartu Ulikooli Kirjastus Publ., 2010. 213 p. (In Russian).
4. Kur'yanov S.O. «Taynyy klyuch russkoy literatury»: genezis, struktura i funktsionirovaniye Krymskogo teksta v russkoy literature X–XIX vekov. [Russian Literature's Secret Key: the Genesis, Structure and Functioning of the Crimean Text in Russian Literature of the X–XIXth Centuries] Simferopol', Biznes-inform Publ., 2014. 424 p. (In Russian).
5. Lyusy A.P. Krymskiy tekst v russkoy literature. [The Crimean text in Russian literature]. Saint-Petersburg, Aleteyya Publ., 2003. 314 p. (In Russian).
6. Shafranskaya E.F. Turkestanskiy tekst v russkoy kul'ture: Kolonial'naya proza Nikolaya Karazina (istoriko-literaturnyy i kul'turno-etnograficheskiy kommentariy). [Turkestan text in Russian culture: The colonial prose of Nikolai Karazin (historical, literary, cultural and ethnographic commentary)]. Saint-Petersburg, Svoye izdatel'stvo Publ., 2016. 370 p. (In Russian).

(Thesis and Thesis Abstracts)

- Golubev N. A. Formirovaniye lokal'nogo teksta: Ivanovskiy opyt. [Formation of a local text: The Ivanovo experience] PhD Thesis. Ivanovo, 2014. 241 p. (In Russian).
- Kunusova A.N. Venetsianskiy tekst v russkoy poezii XX veka. [The Venetian text in Russian poetry of the XXth Century]. PhD Thesis. Astrakhan', 2011. 211 p. (In Russian).

Prokhorova L.S. Londonskiy gorodskoy tekst russkoy literatury pervoy treti XIX veka. [London city text of Russian literature of the first third of the XIXth Century]. PhD Thesis. Tomsk, 2005. 194 p. (In Russian).

Сведения об авторах:

Павлова Лариса Викторовна

Смоленский государственный университет

Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры литературы и журналистики

Научные интересы: история русской литературы, русская религиозная философия, теория символа, точные методы в филологии.

Larisa V. Pavlova

Smolensk State University

Doctor of Philology, Professor; Professor at the Department of Literature and Journalism,

Research interests: history of Russian literature, Russian religious philosophy, symbol theory, quantitative methods in philology.

E-mail: pavlar@inbox.ru

ORCIDID: <https://orcid.org/0000-0002-5105-3941>

Романова Ирина Викторовна

Смоленский государственный университет

Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературы и журналистики

Научные интересы: история русской поэзии, проблема лирической коммуникации, квантитативная филология, литературное краеведение.

Irina V. Romanova

Smolensk State University

Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Literature and Journalism

Research interests: history of Russian poetry, the problem of lyrical communication, quantitative philology, literary local lore.

E-mail: irina.romanova@bk.ru

ORCIDID: <https://orcid.org/0000-0001-9502-6278>